

Вэнь Цзисюнь хотел, чтобы Цюй Хайяо сегодня привык к съемочному процессу и постарался войти в ритм, ведь он присоединился к группе позже и впервые снимался в кино. Конечно, если бы удалось снять все сцены с Цюй Хайяо сегодня, это было бы идеально. Возможно, завтра можно было бы закончить сцены в подземелье и перейти к следующим эпизодам.

Но, зная это, Цюй Хайяо был почти в панике от того, что его так быстро заставляют действовать. Он из последних сил вспомнил сценарий. У Хуанфу Юйхуа в подземелье было не так много сцен: только одна сцена подслушивания и одна сцена с Вэй Ли. Сцена подслушивания была той самой, которая произвела впечатление на всех преподавателей во время кинопроб, и, можно сказать, это была самая сложная сцена для Хуанфу Юйхуа.

Но по сравнению с сценой с Вэй Ли, Цюй Хайяо уже не считал «самую сложную сцену» чем-то важным. Состояние Жун И, словно он был одержим божеством, оставило у него настоящую психологическую травму. Он очень боялся не справиться с игрой Жун И и опозориться перед ним. Цюй Хайяо клялся небом, что перед другими мастерами он никогда не был таким трусом. Даже перед режиссером Вэнь Цзисюнем он считал, что быть отруганным до посинения — это вполне нормально и приемлемо.

Но именно Жун И выбивал его из колеи. Каждый раз, видя его, Цюй Хайяо не мог не вспоминать свои многочисленные провалы: будь то пьяные выходки или история с Лю Цзяжэнем — все это было сплошным позором.

Просто ужасно... Цюй Хайяо пытался успокоить себя, твердя себе: «Спокойно, спокойно». Цзя Цзюнь, стоявший рядом, усердно махал веером, боясь, что в эту почти зимнюю погоду Цюй Хайяо вспотеет и испортит свежий макияж.

Кинопробы Цюй Хайяо были назначены на время после съемок всех сцен, запланированных на сегодня. Жун И немного отдохнул, поправляя свое состояние, пока Вэнь Цзисюнь объяснял им обеим сцену.

— Для тебя, кто бы ни пришел сюда, если это не немая девушка, ты считаешь их врагами. Более того, никто из пришедших сюда не проявил к тебе ни капли доброты. Даже немая девушка холодно требовала, чтобы ты скорее отдал Меч Небесного Свода. Поэтому Хуанфу Юйхуа — первый человек, который проявил к тебе хоть немного доброты, и этого достаточно, чтобы вызвать у тебя замешательство. От холодности к замешательству — ты должен показать эту дугу в этой сцене.

Жун И, запрокинув голову, позволял гримеру поправлять макияж, поэтому не мог реагировать, но Вэнь Цзисюнь, похоже, и не беспокоился об этом, быстро повернувшись к Цюй Хайяо.

— Ты — наследник Школы Небесного Свода. Большинство сообщений, которые приходили из Долины Мрака через немую девушку, проходили через тебя. Ты знаешь, что за человек Вэй Ли. Он никогда не совершал зла, и сейчас он оказался в таком положении только из-за своего происхождения. Поэтому, глядя на Вэй Ли, ты сначала должен показать жалость. Ты хочешь поговорить с ним, хочешь подтвердить свои догадки, потому что в твоём сердце уже зародился смелый план.

— Ты всегда играл роль юного гения в глазах окружающих, надеясь заслужить признание и любовь отца. Но когда ты впервые увидел неприглядную сторону отца, в тебе зародился этот смелый, бунтарский и беспрецедентный план. Поэтому в этой сцене ты должен быть в состоянии тревоги. Ты запомнил уровни эмоций?

Вэнь Цзисюнь слегка повернулся, объясняя обоим:

— Эта сцена начинается с жалости Хуанфу Юйхуа, которая порождает его тревожный план, и он приходит сюда, чтобы проверить его. Но сталкиваясь с холодностью и жестокостью Вэй Ли, Юйхуа начинает сомневаться в своем плане, что, в свою очередь, вызывает замешательство у Вэй Ли, а это замешательство укрепляет решимость Юйхуа.

На первый взгляд это звучало запутанно, и даже занятые работой члены съемочной группы чуть не запутались в этом словесном лабиринте. Но Жун И и Цюй Хайяо, погруженные в свои роли, не чувствовали этого. Вэнь Цзисюнь редко так подробно объяснял сцены, но на этот раз он хотел, чтобы Цюй Хайяо лучше понял.

Цюй Хайяо тщательно обдумывал свое состояние, сначала пробежался с Жун И по тексту, затем обсудил с режиссером движение в кадре. Он почувствовал, что, возможно, не стоит так нервничать. По крайней мере, с университета и до настоящего момента он никогда не готовился к сцене так тщательно.

Если бы уверенность можно было оценить по десятибалльной шкале, то Цюй Хайяо сейчас был на пяти баллах, готовясь к съемкам. Но когда съемки начались, он почувствовал, что его уверенность упала до нуля.

Жун И был пугающим.

Когда Цюй Хайяо действительно начал играть с ним, он понял, что Жун И, способный за секунду перейти от нуля к ста процентам, был настоящим монстром. В этой сцене это выглядело так: только что Жун И думал, что цепи подтянуты слишком высоко, а уже в следующую секунду он смотрел на Цюй Хайяо взглядом, полным ненависти, как будто перед ним был труп — для Вэй Ли все, кто появлялся здесь, кроме немой девушки, были мертвы.

Цюй Хайяо запаниковал и чуть не забыл свой текст.

Обычно Вэнь Цзисюнь уже бы остановил съемку, потому что этот дубль явно был непригоден. Но сейчас это была просто репетиция, чтобы Цюй Хайяо мог привыкнуть, поэтому режиссер не торопился, наблюдая, как он справляется.

На мониторе лицо Хуанфу Юйхуа перешло от паники к быстрому морганию, пытаясь взять себя в руки. Вэнь Цзисюнь не был уверен, было ли это настоящей реакцией Цюй Хайяо или он играл тревогу Хуанфу Юйхуа, но это выглядело естественно. Он смотрел на Вэй Ли, висящего на холодной каменной стене, и тихо спросил:

— Ты... не ненавидишь нашу старшую сестру?

Немая девушка была старшей сестрой Хуанфу Юйхуа. Когда Вэй Ли попал в засаду и был захвачен, Хуанфу Дуань в присутствии Вэй Ли и немой девушки раскрыл ее личность. Хуанфу Юйхуа тоже был там, и он видел, как в лунном свете окровавленное лицо Вэй Ли поднялось при этих словах, широко раскрытые глаза смотрели на старшую сестру, и в тот момент в них отражалось ее холодное лицо, но казалось, что они ничего не отражали.

Теперь Вэй Ли слегка повернул глаза к Хуанфу Юйхуа, и в них тоже, казалось, ничего не отражалось. Этот взгляд усилил тревогу в сердце Хуанфу Юйхуа. Он сжал губы и снова спросил:

— Ты все время жил на заднем дворе Долины Мрака. Почему твои родители не заботились о тебе?

В реплике Хуанфу Юйхуа это было очень важно. Он родился в знатной семье, но с детства страдал от того, что отец его игнорировал, и не мог никому об этом рассказать. Он никогда не понимал, почему хозяин Долины Мрака и его жена оставили Вэй Ли на заднем дворе без внимания. Он лишь инстинктивно сравнивал свою жизнь с жизнью Вэй Ли, что усиливало его жалость к нему.

Но Вэй Ли был другим человеком. В тусклом свете его обнаженное тело было покрыто следами пыток, кровавыми ранами, которые заставляли содрогнуться. Хуанфу Юйхуа с детства видел много ран, но никогда таких. Он бросил взгляд и не смог смотреть дальше, но, услышав слабый звук движения цепей, снова посмотрел на Вэй Ли.

Верхняя часть тела, пронзенная цепями, слегка наклонилась вперед, приближаясь к Хуанфу Юйхуа. Израненное, но худощавое и сильное тело напряглось от боли, вызванной движением. Мышцы напряглись, и капли пота смешались с кровью, стекая по коже, создавая пугающую красоту. Хуанфу Юйхуа непроизвольно сглотнул, подняв глаза на Вэй Ли, и теперь в его глазах отражался только он сам.

— Почему они не заботились обо мне... наверное, потому что уже предвидели этот день.

— Предвидели, что я окажусь таким никчемным, что не смогу убить всех вас в ту ночь, когда вы пришли в нашу долину.

Хуанфу Юйхуа замер. Вэй Ли произнес эти слова без тени эмоций на лице, его глаза смотрели на Хуанфу Юйхуа с такой искренностью, будто это не было угрозой или жестоким планом, а просто естественной истиной, как если бы он говорил о том, что в солнечный день нужно сушить вещи, а в дождь — брать зонт.

[Пусто]

<http://bllate.org/book/16304/1470757>